

П О В Е С Т Ь

**О ЧУЧЕЛЕ,
ТИГРОВОЙ
ШАПКЕ
И МАЛОМ
ПАРИЖЕ**

**КОНСТАНТИН
ДМИТРИЕНКО**

П О В Е С Т Ь

**О ЧУЧЕЛЕ,
ТИГРОВОЙ
ШАПКЕ
И МАЛОМ
ПАРИЖЕ**

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д53

Оформление серии – *Петр Петров*

Дмитриенко, Константин.
Д53 Повесть о чучеле, Тигровой Шапке и Малом Париже /
Константин Дмитриенко. – Москва : Издательство «Э»,
2017. – 256 с. – (Претендент на бестселлер!).

ISBN 978-5-04-089134-4

В России тоже был свой Клондайк – с салунами, перестрелками и захватывающими приключениями. О нем еще не сняли кино, и русские мальчишки не играли в казаков-золотоискателей и разбойников – китайских грабителей. А на Дальнем Востоке, где, почти параллельно с Гражданской войной, бушевала золотая лихорадка, ходили по тайге оборотни, полулюди и таежные мудрецы, на поверхности Реки то и дело сверкал серебристо-черной спиной дракон Лун, и красные партизаны, белые казаки, японские оккупанты и китайские отряды – все пытались получить золото, которое им по праву не принадлежало. Легенды и реальность ловко сплетались в увлекательную историю. Но ничего не кончилось: история, описанная в «Повести о чучеле, Тигровой Шапке и Малом Париже», продолжается и сегодня – ведь для драконов нет времени.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089134-4

© Дмитриенко К., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ПОДКИДЫШ

Лето 188... года было жарким. Злое солнце выжгло заливные покосы и высушило реку так, что со Слободы в город прислуга шла вброд, едва ли замочившись по колена. Осень же пришла внезапно и сразу. Не успели пожелтеть и опасть листья с берез, как выпал холодный и тяжелый снег. Деревья под тяжестью снежных шапок не выдерживали и, издав то ли стон, то ли треск, ломались. Вес снега выдержали только те деревья, что или могли согнуться до земли, или пожертвовали ветками. На Набережной и Первой улице провалились несколько крыш. За хрустом ломающихся веток и стропил жалобный полувзвизг треснувшего главного колокола на недавно отстроенной церковной колокольне остался незамеченным. Однако утром 2 сентября дьяк Никита, он же звонарь, доложил отцу Василию, что «звонить никак нельзя, бо колокол, того, треснул».

Вечером того же, следующего за стихией дня, опережая лютый мороз и красные сполохи, встав-

шие столбами над хребтом, что с севера огораживает Малый Париж, в город вернулся предприниматель Исай Ликин, чей дом был достроен в середине лета 188... года. В еще скрипевший углами и пахнувший свежей мебелью и смолой дом Исай приехал из Монголии, откуда поставлял в район мясо и низкорослых и лохматых, но выносливых лошадей. Следом за Исаем Ликиным должны были прийти своим ходом двугорбые монгольские верблюды, которым предстояло отправиться на прииски и рудники. Позднее верблюды пришли и оказались всем хороши: и неприхотливы, и выносливы, и мясо их было съедобным, не хуже изюбря, коровы или сохатого, так что если какой бактриан ломал ногу, то его добивали и съедали. Одно плохо: вдалеке от родных степей и пустынь верблюды грустили и размножаться не хотели.

Но не о верблюдах. Об Исае Ликине и о том, что за посылку Исай обнаружил перед воротами своего дома ночью с 3 на 4 сентября 188... года.

Ночь была светлой и темно-красной, совсем как запекшаяся кровь на светлой стали ножа. Сполохи, невидимые из дома Ликина, потому как на север окна не прорубали, все же давали достаточно света, который, вместо того чтобы хотя бы создавать ощущение тепла, наоборот, нагонял еще больший холод и раннюю зимнюю тоску. Сторожевые собаки, забив-

шись по своим конурам, прятали носы под хвостами и даже не скулили, стараясь сберечь тепло. На конюшне перетаптывались в стойлах и хрустели овсом лошади, чалая Звездочка и сивая Машка. Сперва с улицы постучали в ставень. Потом залаяли дворовые псы. Хозяин, вооружившись винтовкой, вышел сам. Псы рвали цепи в сторону высоких ворот, и ничего, кроме надсадного лая, расслышать было невозможно. Исай прикрикнул на собак, спросил: «Кто там шастает?», но никто не ответил. Только собаки еще яростнее рвались с цепей. Ликин выглянул из калитки и, поначалу не увидев никого, собрался было возвращаться в теплую постель, как разглядел стоявший у главных ворот, в тени, заплечный берестяной короб, в каких тунгусы носят всякую поклажу.

В коробе, внесенном в дом и открытом, под светом лампы обнаружился сонный черноглазенький мальчик, одетый в стеганный китайский халат темно-лиловой саржи. Ни записки, ни сопроводительных документов, только амулет-бурханчик на кожаном ремешке, вроде тех, что режут из березы манегры, придавая им черты то медведя, то ящерицы, то лисы, то выдры. Жена Ликина, крещеная татарка, давно и не без оснований подозревала своего благоверного в хождениях не только по делам, но и на сторону, скандала устраивать не стала, сказала: «Твой, знать, пащенок-то, раз сюда подкинули, и глаза вон

твои». Исай же, посчитавший ниже своего достоинства отчитываться перед бабой, буркнул себе под нос что-то вроде: «А хоть бы и так, от тебя-то толку никакого», — и тем самым признал мальчика своим.

То есть не так сразу и даже не назло бабе, а совсем наоборот. Через пару дней хозяйка Ликина на размышления мужа: «Может, отправить его в приют-то», плюнула в сердцах, обругала Исая иродом, сквалыгой и почему-то вурдалаком и сказала: «Пусть живет, коли приблудился. Еды и на него хватит».

Судя по тому, что мальчишка только лепетал что-то и самостоятельно едва ходил, доктор Вязьмин, осматривавший подкидыша и нашедший малыша вполне здоровым, упитанным и развитым, определил его возраст как десять-одиннадцать месяцев. Так и порешили: считать днем рождения ноября 2-е года 188... от РХ. А покрестить толком не получилось. Родий, принесенный в церковь, орал так, что треснувший колокол отзывался с колокольни; выворачивался из рук; опущенный же в купель, стал весь красный как ошпаренный рак; и в довершение всего чуть ли не до крови цапнул молодыми зубами отца Василия, который от такой неожиданности едва не впал в богохульство, однако сдержался и обряд через силу, но провел. «Да только толку от таких крестин нету, — говорил за ужином батюшка попадье. — Будто бесы в нем сидят и причастия не желают. Что же за дитя это?»

Служанка Ликиных, Евдокия (одна из причин справедливой ревности Ликиной жены), сама то ли подброшенная, то ли от отца-цыгана, в сущности мальчишки разобралась немногим, но все же больше отца Василия:

— Я перед ним разные вещицы разложила и смотрю, за какой он потянется. Полтинник серебряный, значит, чашку чайную, платок шелковый, что мне Исай Лукич подарили, ложку серебряную, ножик, нагайку хозяйскую, ну, и там еще разного по мелочи. И к чему ты думаешь оно, дитя это неразумное, потянулось? Думаешь, к полтиннику? Так нет! Вцепился в ножик, насилу отняла... Вон даже, когда ему руку разжимала, обрезалась до крови слегка...

— Так и что это значит? — спрашивал у Евдокии конюх Зинатулла, с которым служанка крутила, пока не видит хозяин.

— Ну, уж не знаю, как это у вас, у мусульман, а я так полагаю, что зверенок он пока, а как подрастет, так точно таким зверем станет — хуже шатуна или ламазы, какой маньчжуря детишек своих пугают.

— Да ну! — смеялся Зинатулла. — Мальчишка, он и должен к оружию тянуться. Батыром будет, казаком будет. А то и генералом станет. Я тебе говорю, глупая ты баба.

— Ну, генералом, может, и станет, да только не казаком. Лошади его и собаки тоже на дух не пере-

носят — боятся аж до тряски... Вон намедни хозяйка мальчишку во двор вывела. Трезорка, на что уж кобель страшный, я его сама боюсь, так под крыльцо забился, рычит оттуда и скулит разом. И Пушок его боится. За печку забьется и шипит... Ладно, пойду я самовар ставить.

— Ну, иди. Вечером-то придешь?

— А для чего? Нешто есть у тебя что такое особое?

— А то не знаешь. Есть у меня ключик, так ты замочек свой принесешь, вместе и откроем. М-м?

Вечером Евдокия, конечно же, пришла, но это дело понятное и к Родию отношение имеющее самое малое.

ОТШЕЛЬНИК С ХАБОМАИ

Марьясин, начальник, старший товарищ и практически учитель моего отца, в последние годы Второй мировой войны был юнгой на Тихоокеанском флоте и принимал участие в высадке на Сахалин. Или на Курилы, я точно не помню. Впрочем, это не очень важно, потому что к истории, рассказанной им, он сам не имеет прямого отношения. Или имеет...

Разбирая вещи в своем гараже, Марьясин обнаружил свой черный флотский бушлат, который отдал мне, и я его потом носил еще года четыре, пока бушлат не стал мне совсем тесен и мал. А тогда он

сидел на мне как влитой, и я, надевая его, даже подумывал стать моряком. Но не стал. Передавая мне бушлат, Марьясин пустился в воспоминания, среди которых был рассказ, запомнившийся мне даже не знаю чем. Может быть, тем, что казался чем-то похожим на историю о Робинзоне Крузо, а может быть, тем, что давал возможность самому додумывать огромное количество разных вариантов этой, я верю, правдивой байки.

Когда советские моряки высадились на Сахалин и Курилы, то услышали, что на одном из островов гряды Хабомаи до сорок второго или сорок третьего года жил старик-японец, выглядевший не совсем как японец. Во-первых, был он высокого роста и крепкого телосложения; во-вторых, кожа его была хоть и постоянно задубевшей и желтой, но все-таки не того особого оттенка, присущего настоящим японцам; и, в-третьих, старик этот носил окладистую бороду, совсем не похожую на бороды айнов, тем более что была она не черной, а темно-русой с рыжиной. Тем не менее рыбак, живший уединенно на острове, был японцем, и фамилия у него была то ли Касука, то ли Кусику, а может, и вообще Коочику, кто ж ее помнит. О старике рассказывали, что некогда он был офицером японской армии и участвовал в боях под Порт-Артуром или Мукденом, а может быть, и еще где в Маньчжурии. Вроде как там он

научился русскому языку, причем язык давался ему легко и даже звук «Л» не вызывал никаких осложнений. «Вот еще одно отличие от японца», — сказал тогда Марьясин. Потом, в годы интервенции, этого Касуку во главе небольшого отряда отправили на русский Дальний Восток, где с ним что-то произошло, а в самом начале двадцатых годов он дезертировал и с помощью китайцев, у которых тоже имелись войска на Дальнем Востоке, перебрался на остров, где и поселился — не один, а с немой китайкой, или маньчжуркой, или удэгейкой, о которой говорили, что ее тело наполовину покрыто замысловатой татуировкой, способной показать глядющему на нее не только прошлое, но и будущее. За это и еще за то, что китайка была нема и никогда не старела, ее считали колдуньей, и одно время ходил слух, что она оборотень, похищающий из домов поселенцев маленьких детей, дескать, ими она питается (потом оказалось, что это вовсе не она ворует детишек). Женщину эту старик японец-неяпонец называл именем Ли Ву, что значит «Подарок». Рассказывали, что старик Касуку, высадившись на берег острова, на котором, кроме него, никто постоянно не жил, разве что заглядывали китобои и охотники на морского зверя, да еще рыбаки, начал строить часовню. По его словам, там можно было бы молиться всем богам и вместе с тем часовня была маяком

на какой-то дороге. Построил старик ее или нет — неизвестно, но то, что на некоторых островах можно встретить сложенные друг на друга и непонятно как удерживающиеся камни — это точно. Еще про старика говорили, что он запросто ловит рыбу и птиц руками и поэтому всегда сыт, какой бы голодный год ни был. На острове парочка прожила лет двадцать; мужчина начал стареть, это замечали многие, кто его видел, зато Ли Ву по-прежнему оставалась молодой и по-прежнему была немой. Перед началом войны на острова приезжали военные, которые искали старика, чтобы то ли допросить по какому-то делу, то ли чтобы арестовать за старое дезертирство; вроде даже нашли остров, на котором он поселился, и даже, по слухам, недолго говорили со стариком Касуку. Но разговор закончился тем, что нечто в черной одежде, огромное и мертвое, вышло к людям в форме и напугало их чуть ли не до смерти, то есть ничем не закончился разговор, и военные уехали. А старик еще год-другой пожил на своем пустынном берегу, общаясь только с рыбаками, что заходили на остров, а потом поднялся с камня, на котором обычно сидел и смотрел на море, сел в лодку, оттолкнулся от берега и уплыл. Было это в 1942 году, и с тех пор его больше никто не видел и ничего о нем не слышал. Вот разве что женщина по имени Ли Ву вроде как одно время работала в пу-

бличном доме на Карафуте, как японцы называли Сахалин, а потом тоже куда-то исчезла: говорят, встала на тропу, ведущую отсюда туда, и ушла.

Вот и вся история. А самое главное в ней то, что, как думал старший товарищ моего отца, старик этот был потомком то ли русского каторжника, то ли казака, которые в середине XVII века прошли по Амuru, вышли к Охотскому морю и открыли Сахалин.

168 - Я (1)

Золото в этом районе нашли во второй половине XIX века. К тому времени легенда о Золотом человеке, чья голова — на Аляске, шея — в Беринговом проливе, а все остальные части тела — на территории Империи, стала уже расхожей байкой, и не хватало малого — вещественных доказательств. Бродяга, чьего имени история не сохранила, принес в Иркутск аргументы, против которых нечего было сказать. Крупный песок и самородки, по тем слухам, что дошли до наших времен, общим весом более пяти английских фунтов. А это, знаете ли, почти два с половиной килограмма. Не успели иркутские купцы снарядить разведывательную экспедицию, слух о местах, где в каждом ключе можно безо всякого труда набрать несметное богатство, уже разошелся по Империи. И тысячи вчерашних крепостных, собрав

последнее, рванули в Забайкалье, надеясь вернуться скоробогатеями в свои Рязанщину, Полтавщину, Костромскую и Курскую губернии и прочая Белая, Малая и иная Россия. Увы и ах! Золото, конечно же, было, но...

На просторах от Лены до Тихого океана найти свой кусок породы с золотом представляется не самым простым занятием. Скажем так, до сих пор в этом регионе есть ряд районов, где добыча обходится дороже самого металла. И это несмотря на постоянно растущую цену золота на мировых фондовых биржах, несмотря на прогрессивные методы (куда там лоткам, проходнушкам, колумбинам, даже полигонным драгам с их промприборами). Представьте, что каждый грамм металла, поднятый на Н-ском плато, стоит полтора-два грамма золота. Впрочем, российские авантюристы второй половины XIX века о таком раскладе не знали и, взвалив на лошадь, быка или на себя кайло, лопату, кувалду (и обязательно лоток), оценивали возможный металл стоимостью собственных сил.

Если же вы сейчас думаете, что золото на просторах Империи было «ничьим», то, позвольте вам заметить, вы ничем не отличаетесь от тысяч авантюристов, покинувших обжитой аграрный Запад ради дикого и голодного Северо-Востока. С XVIII века все российское золото принадлежало русским ца-